

Хлеб. Людям или свиньям?

Отец радовался, хлеба заготовили вдоволь, но вдоволь тогда означало «в обрез», зерно предназначалось только для пропитания людей. Более того, хотя карточки отменили еще в 1947 году, ограничения продажи – не более двух буханок хлеба в одни руки – продолжали действовать. Правда, последние пару лет их особенно не придерживались.

Тем временем на освобожденных законом 1953 года от уплаты налогов личных подворьях поголовье скота росло, и росло очень быстро. За прошедшие три года количество коров в единоличных владениях одних только горожан увеличилось на миллион сто тысяч голов, в том числе молочных, на триста тысяч, свиней стало больше на шестьсот тысяч, овец и коз на миллион триста тысяч, а птицы (кур, уток, гусей) практически неслучено.

Отец радовался: люди зажили лучше, более того, многие не только в магазины за продуктами не ходят, но и сами снабжают страну молоком, маслом, мясом и мясопродуктами.

Однако радость омрачалась все нарастающей с ростом поголовья скота проблемой – всю эту живность в личных хозяйствах требовалось кормить. Кормов же даже совхозам с колхозами не хватало. Проблема кормов вырастала в проблему. Руководители хозяйств изворачивались как могли, когда совсем приходилось туго, обращались с просьбой о выделении дополнительных фондов из государственных резервов. Эти призывы о помощи обычно не оставались без ответа. А вот единоличники на государственные резервы не рассчитывали, они ориентировались на свой источник дешевых кормов – в магазинах скупали на корм скоту дешевые целинные буханки и крупы. Об этом отец писал в записке в Президиум ЦК еще осенью 1954 года, но с тех пор мало что изменилось.

«Черный хлеб стоит примерно рубль килограмм (10 копеек в пореформенных 1961 года ценах), – подсчитывает отец на глазах у слушателей во время одного из своих выступлений. – Пять килограммов хлеба стоят около пяти рублей, если скормить его свиньям, то можно получить один килограмм мяса. Свинина стоит 18 рублей килограмм в магазине, на рынке же за килограмм дают пятьдесят рублей».

Выгодно? Несомненно выгодно, считает отец, но только не государству и не обществу. Все дело в цене, но цена на хлеб установлена политическая. До сего времени хлеб остается

основным источником существования большей части населения. Поднять цены на него – пострадают самые бедные, к тому же «при Сталине снижали цены, а при Хрущеве поднимают».

Что тут делать?

Собственно, эффективных решений имелось всего два: или, повысив налоги, сделать «личное» животноводство нерентабельным, убить его, или поднять цены на хлеб. Ни тот, ни другой путь отцу не подходил. Он надеялся вывернуться иным способом, а вот каким – и сам не знал. Все эти годы он попросту тянул время, а тем временем потребление хлеба в стране росло столь резко, что то и дело приходилось залезать в государственные резервы.

Проблема «дешевых буханок» обсуждалась не только в ЦК, но и дома. Аджубей, тогда уже главный редактор «Комсомольской правды», по вечерам читал отцу возмущенные письма читателей. Они «сигнализировали» о разбазаривании хлеба, требовали принятия решительных мер, и немедленно. Владимир Павлович Мыларщиков, старый знакомый отца, член Бюро ЦК КПСС по РСФСР и одновременно заведующий Сельхозотделом ЦК, при каждом посещении его на даче, а он навещался туда довольно часто, со свойственной ему грубоватой откровенностью настаивал на наведении порядка.

«Стоит только ввести налог и восстановить госпоставки с индивидуальных хозяйств, – бубнил он, – как все встанет на рельсы».

17 – 18 мая 1956 года в ЦК провели совещание, посвященное увеличению производства мяса. Съехавшиеся на совещание секретари обкомов в один голос твердили: «Пора принимать меры, еще немного и частники скупят весь дешевый черный хлеб, торговля рухнет, придется вводить карточки». Отец напора не выдержал, согласился на репрессивные меры, но не по отношению ко всем, а только к содержащим скотину жителям «столиц союзных республик, областных и краевых центров, столицах автономных республик (за исключением территорий, расположенных на Крайней Севере)». Свою капитуляцию он обставил «демократической» процедурой: 29 июня 1956 года проект Закона о хлебе и единоличной скотине опубликовали в газетах, выставили на всеобщее обсуждение.

Как его обсуждали, я запомнил. 27 августа Постановление Правительства «О мерах борьбы с расходом государственных фондов хлеба и других продовольственных продуктов на корм скоту» вступило в силу. В его преамбуле стыдливо объяснялось, что горожан не наказывают, а просто приравнивают к колхозникам, которые налог со своего подворья платят и в госпоставках участвуют, – другими словами, тем самым восстанавливается справедливость. Далее расписывались нормы взимаемого налога на скотину и размеры обязательных поставок: сколько молока и мяса теперь надлежит сдавать государству. Устанавливалась и «справедливость»: штраф 500 рублей за скармливание покупного хлеба животным, а если попадешься вторично – тысяча.

Произошедшее отец считал, заставлял себя считать, досадным проходным эпизодом – благосостояние народа обеспечат не средневековые личные наделы, где главные сельскохозяйственные инструменты – лопата да грабли, а современные, механизированные не хуже американских, совхозы и колхозы. Он не сомневался, что время единоличников прошло; не выдержав конкуренции с дешевым колхозным мясом, частник сам не захочет возиться со скотиной, надобность давить его налогами отпадет, совхозы и колхозы решат «вопрос полного обеспечения населения страны мясом и мясными продуктами. Мы должны мобилизовать все усилия, чтобы производство сельскохозяйственных продуктов росло быстрее, чем потребности».

Этого постановления отцу не простят и не забудут те простые люди, о благе которых он так заботился.